

Сергей Терентьевич Семенов
Брюханы

Date: 2 сентября 2009

Изд: Семенов С. Т. "Рассказы". М., "Художественная литература", 1970

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

БРЮХАНЫ

I

На одной окраине Москвы, близ Сокольников, есть Гуменная улица. Улица эта глухая, малонаселенная, с кое-какими деревянными домиками, набитыми разным сбродом. Из всех построек улицы выделялась небольшая красивая фабрика, приютившаяся на конце улицы. Постройки ее состояли из двух двухэтажных корпусов, одного каменного, другого деревянного. Оба корпуса выходили на улицу только боком и тянулись параллельно внутрь двора, образуя между собою довольно порядочное пустое пространство.

В каменном корпусе окна были широкие, как у казарм, и закоптелые, у деревянного же -- обыкновенные, украшенные белыми кисейными гардинами.

По улице между корпусами тянулся деревянный забор с воротами посредине. На столбах ворот красовались два полинявших железных листа, на которых тусклыми буквами обозначалось, что дом принадлежит московскому купцу Е. Ф. Жарову и что он "свободен от постоя".

Лучше жаровской постройки был только дом напротив.

Он принадлежал, как значилось на доске, И. Х. Тейхер и напоминал своим фасадом особняк: он немного вдался внутрь двора, перед окнами его каждую весну разбивался цветник, а на фронтоне красовались настоящие часы. Но этот дом тоже не был барским домом: изнутри его двора поднималась огромная светло-коричневая железная труба, коптившая небо каждый день, и из ворот его во время обеда и по вечерам выходили люди; старый, седой сторож в белом фартуке заставлял распахивать полы одежды выходивших мужчин или женщин и проводил руками по бедрам. Из Жаровской фабрики люди выходили только под праздники или в праздники. Тут людей жило не так много, и они по закону могли помещаться там, где работали.

Работали и помещались жаровские рабочие в одном каменном корпусе. Весь верх одной половины корпуса был занят кладовой и спальней красильщиков, внизу же была красильня. В красильне всегда кипели котлы, стоял удушливый запах растворенной кислоты, употреблявшейся при отбелке товара, клубился густыми облаками пар, сквозь который трудно было что-нибудь разглядеть с непривычки. В тумане мелькали люди, слышался говор, крик.

В другой части этого корпуса, в той, которая выходила на улицу, внизу помещалась клеильня и лежали камни для курченья окрашенного товара -- гаруса и бумаги, а сверху -- сушильня и спальня клеильщиков.

Спальня клеильщиков считалась более аристократическим местом, чем помещение красильщиков, так как мастерство клеильщиков было высшего разряда. Они получали больше жалованья, и им, как и красильному мастеру, ездоку и дворнику, полагался два раза в день хозяйский чай, а по праздникам по пшеничному пирогу, тогда как остальные рабочие не видели чаю всю неделю и пили его только в праздничные дни в трактирах. Сюда чаще, чем в красильню, заходил позубоскалить хозяйский брат, ведущий весь надзор за фабрикой, Иван Федорович, красивый русак лет пятидесяти, с длинной, серебристой бородой, прямыми чертами лица и твердым взглядом больших голубых глаз. Он ходил в высоких опойковых сапогах, в белой с крапинами рубашке, глухой жилетке, в люстриновых шароварах и при часах.

Его старший брат, хозяин этой фабрики, разнился с Иваном Федоровичем и фигурой, и чертами лица. Они у него были не так правильны: лоб низкий, нос луковицей, и в выражении лица и глаз не было той прямооты и твердости, как у Ивана Федоровича, -- в них всегда скользила лукавая усмешка. Эта усмешка не сходила с его лица ни в разговорах с семейными, с давальцами, ни когда он делал какое-нибудь распоряжение насчет работы; только когда он сердился, усмешечка пропадала, и то ненадолго: стоило ему вылить свой гнев, -- и лицо его принимало опять обычное выражение, говорившее, что обладатель его никогда не испытывал больших забот и невзгод и никогда в нем не возникало